

ЗАПЛАТИ СОБОЙ

Семь грехов. Одна цена.

Ариэль Вернер

18+

Ариэль Вернер

ЗАПЛАТИ СОБОЙ

<https://litres.ru/74083699>

SelfPub; 2026

Аннотация

Семь историй о людях, которые взяли чужое - и нашли себе оправдание.

Нина забрала частицу чужой красивой жизни. Игорь превратил чужую беду в выгодную сделку. Виктор построил своё имя из чужих слов. Кирилл захотел чужой взгляд. Павел решил обратить чужой гнев в справедливость. Надежда не вручила то, что могло спасти жизнь. Лев превратил чужую боль во вкус.

Никто из них не думал, что за это придётся платить. У каждого была своя причина: усталость, обида, зависть, страх, желание или уверенность, что один маленький поступок ничего не изменит.

Но присвоенное не исчезает. Оно помнит, кому принадлежало. И однажды приходит за платой.

Сначала появляется знак. Потом открывается долг. И платить приходится не деньгами - теплом, памятью, голосом, желанием, именем или самим собой.

«Заплати собой» - мистический психологический триллер о семи грехах и семи расплатах. О тех, кто был уверен, что чужая история не про него.

Но иногда достаточно открыть книгу, чтобы она перестала быть чужой.

Содержание

Витрина	5
Последняя копейка	34
Конец ознакомительного фрагмента.	52

ЗАПЛАТИ СОБОЙ

Витрина

Нина Коваль впервые увидела зелёную точку в 02:46.

Нина не спала. Лежала на боку под старым пледом и держала телефон так близко к лицу, что экран сушил глаза. В соседней комнате мать дышала тяжело, с короткими провалами после каждого вдоха. На кухне щёлкал холодильник. За стеной кто-то ругался шёпотом. Нина не слышала слов. Она смотрела чужую жизнь.

На экране была белая кухня. Высокий потолок. Тонкие бокалы. Панорамное окно, за которым ночной город блестел, как мокрый нож. Девочка с золотым ободком на волосах смеялась, запрокинув голову. Женщина в шёлковом платье цвета топлёного молока держала чашку кофе и улыбалась так спокойно, будто никогда не считала деньги до пятницы.

Под видео стояла подпись: «Иногда счастье - это просто утро дома».

Нина перечитала фразу три раза. Потом тихо сказала: - Конечно. Когда дом стоит шестьдесят миллионов, утро легко назвать счастьем.

Женщину звали Алиса Громова.

Когда-то она была просто Алисой из одиннадцатого «Б»: светлые короткие волосы, прожжённый рукав пуховика,

смех громче нужного. Алиса списывала химию, путала столицы и боялась отвечать у доски. Теперь у неё были дизайн-студия, муж Павел, дочь Ева, квартира с окнами в пол и двести восемьдесят тысяч подписчиков.

У Нины были съёмная однокомнатная квартира, мать после операции, кредит за лечение, работа контент-редактором в мебельной компании и чайник, который включался только после третьего удара по кнопке.

Накануне Света снова забрала её текст. Не весь - так было бы честнее. Взяла мысль, переписала первые два предложения, произнесла на планёрке громко и получила похвалу. Нина сидела рядом, кивала и делала вид, что это командная работа. Потом в туалете мыла руки холодной водой, пока костяшки не побелели.

Дома она открыла страницу Алисы. Сначала просто посмотреть. Потом доказать себе, что в чужой жизни тоже есть трещины. Потом - найти хоть одну.

Не нашла.

И от этого стало хуже.

Нина не называла это завистью. Зависть, по её мнению, была у тех, кто считает чужие сумки и отпуска. У неё было другое: усталость, справедливость и злость человека, которому достались маршрутка, больница и чужие правки в собственном тексте.

Она приблизила видео пальцами. Хотела рассмотреть столешницу. Белый камень. Невидимые ручки шкафов. Стек-

лянную вазу с веткой эвкалипта.

В этот момент внутри видео появилась зелёная точка.

Не вверху телефона, где обычно горит значок камеры, а прямо в кадре, возле вазы. Маленькая, круглая, глубокая. Как капля зелёного стекла.

Нина закрыла приложение. Открыла снова.

Точка осталась.

Под видео появилась строка: «Нравится?»

Нина провела пальцем по экрану. Строка исчезла.

Через секунду возникла новая: «Можно ближе».

В соседней комнате мать кашлянула. Нина замерла. Всё вокруг было слишком обычным: тёмная комната, холодный пол, старый плед, телефон в руке. Невозможно испугаться до конца, когда за стеной у соседей работает вода, а у тебя завтра отчёт к десяти.

Она нажала на зелёную точку.

Видео замерло. Алиса стояла у окна с чашкой. Свет лежал на её лице мягко и безжалостно. Рядом на столе - ваза с эвкалиптом.

На экране появилась кнопка: «Посмотреть изнутри».

Нина усмехнулась.

- Ну давайте. Посмотрим, как люди живут без долгов.

Она нажала.

Экран потемнел. Потом показал ту же кухню, но уже без Алисы. Камера скользнула по столешнице, чашке, детскому рисунку на холодильнике, вазе. Всё было снято изнутри, буд-

то Нина стояла там сама и могла протянуть руку.

Внизу появилась надпись: «Выберите одно».

Нина хотела отложить телефон.

Вместо этого сказала: - Ваза. Хотя бы ваза.

Курсор остановился на стеклянной вазе. Под ней появилась кнопка: «Забрать».

Нина нажала раньше, чем успела решить.

Телефон погас.

Из кухни донёлся тихий звон.

Нина встала, не включая свет. Пол был ледяной. В коридоре пахло лекарствами и старой пылью. На кухонном столе, среди квитанций, таблеток и кружки с отбитой ручкой, стояла стеклянная ваза с веткой эвкалипта.

Она была слишком чистой. Слишком прозрачной. Ошибка в комнате, где всё давно привыкло к дешёвому свету.

За спиной скрипнула дверь.

- Нин? - позвала мать.

Нина резко обернулась.

- Мам, иди спать.

- Это откуда?

- Купила.

Мать подошла ближе. На её лице ещё держалась боль после сна.

- У тебя денег нет на лекарства, а ты вазы покупаешь?

Нина почувствовала стыд. Почти сразу он стал злостью.

- Я сама знаю, на что у меня есть деньги.

Мать посмотрела на неё не сердито, а устало. Это было хуже.

- Конечно, знаешь.

Когда мать ушла, телефон Нины загорелся сам.

На экране было серое окно: «Получено: свет».

Ниже: «Списано: собственный взгляд».

Нина не сразу поняла, что потеряла. Она подошла к окну и поймала себя на том, что ищет в тёмном стекле не своё отражение, а чужую кухню.

Мысль пришла почти ласково: «Теперь у меня тоже есть свет».

Нина тряхнула головой.

- Глупость.

Но слово прозвучало слишком мягко. Почти Алисиным тоном.

Нина закрыла уведомление. Оно исчезло легко, будто ничего не значило.

Утром она открыла страницу Алисы ещё до того, как встала с кровати.

Видео было на месте. Алиса у окна. Чашка. Кухня. Город. Но вазы на столе не было.

В комментариях кто-то спросил: «А где ваша красивая вазочка?»

Алиса ответила через час: «Какая вазочка?»

Нина читала эти два слова в маршрутке. Сначала ей стало страшно. Потом - хорошо.

Не радостно. Хорошо.

Как будто из чужой стены вынули кирпич, и через щель наконец потянуло воздухом.

На работе день начался с планёрки. Виктория Сергеевна говорила о новом каталоге, сроках и том, что команда снова «не видит образ клиента». Нина сидела с телефоном экраном вниз и слушала вполуха.

- Нина, у вас есть идеи по главной странице?

Раньше она готовилась к таким вопросам. Писала варианты ночью, удаляла, снова писала. А потом говорила тихо, и её перебивали.

Сегодня она подняла глаза и сказала:

- Нужно продавать не мебель. Нужно продавать жизнь, которую покупатель хочет у кого-то отнять.

В комнате стало тихо.

Света перестала крутить ручку.

Виктория Сергеевна чуть наклонилась вперёд.

- Повторите.

Нина повторила. Голос был её, но стоял в воздухе иначе: ровно, низко, без просьбы поверить.

- Интересно, - сказала Виктория Сергеевна. - Очень интересно.

К вечеру Нину попросили подготовить концепцию для клиента. Света не подошла поздравить. Только посмотрела так, будто у неё из кармана выпал украденный предмет.

Нина поймала этот взгляд и почти улыбнулась.

Почти.

Дома Алиса выложила новое видео: студия, микрофон, мягкий свет. Подпись: «Сегодня записываем подкаст о честном успехе». Зелёная точка появилась сразу.

На экране мелькнули варианты: «Микрофон», «Блокнот», «Голос». Нина остановилась на последнем. Голос ей был нужен всю жизнь: такой, которому верят до доказательств.

Утром Алиса выложила сторис без звука. Лицо бледное, глаза красные. Подпись короткая: «Сорвался голос. Подкаст переносим».

Нина закрылась в туалете офиса и прошептала: - Ничего страшного. Голос прозвучал глубже, увереннее. Чужой.

После встречи сказала:

- Не знала, что ты так умеешь.

- Я тоже, - ответила Нина.

Вечером мать долго смотрела на неё поверх тарелки с кашей.

- Ты сегодня как будто не ты.

- В хорошем смысле?

Мать не ответила.

В ванной Нина посмотрела в зеркало. Лицо было её. Почти. Глаза стали темнее, скулы резче. Не красота - сборка. Как будто кто-то подтянул внутри слабые нити.

Телефон на полке загорелся: «Получено: голос». «Списано: собственная тишина».

Нина попыталась произнести: «Хватит».

Получилось:

- Ещё рано.

И она испугалась не телефона.

Себя.

На следующий день она обнаружила: новый голос нельзя удержать. Он выходил сам, когда рядом кто-то был слабее.

Мила из бухгалтерии пыталась объяснить ошибку в акте. Нина перебила её на второй фразе.

Света сказала, что не успела внести правки: ребёнок заболел. Нина ответила:

- У всех что-то болит. Работа от этого не исчезает.

Вечером мать начала говорить о давлении, и Нина услышала себя:

- Мам, я не могу каждый день жить твоим телом.

Мать замолчала.

Тишина в кухне стала такой плотной, что Нина слышала, как в вазе сохнет эвкалипт.

Она хотела извиниться.

Не смогла.

После этого мать стала стучать в комнату Нины, прежде чем войти. Раньше не стучала.

Нина заметила это только на третий день - и почувствовала не боль, а удобство.

Однажды она поймала себя на мысли: «Она сама выбрала эту слабость». Речь была о матери.

Нина замерла посреди кухни с чашкой в руке. Мысль была чужой, холодной, будто её оставили в голове на хранение.

Она хотела отогнать её. Но мысль уже сидела внутри, как своя.

Через неделю Алиса выложила семейное фото. Павел держал Еву на руках, Алиса смеялась, за их спинами горела гирлянда, хотя был апрель. Подпись: «Мои главные люди».

Нина лежала на диване. На работе премию обещали «после оплаты». Света уже написала в соцсетях, что «команда сделала сильный проект». Мать за стеной тихо стонала во сне.

Нина смотрела на фото и сказала:

- Хоть бы раз у тебя что-нибудь треснуло.

Зелёная точка появилась на лице Евы. Нина сразу отёрла руку.

Точка мигнула и сползла на гирлянду. На экране мелькнули варианты: «Павел», «Ева», «Дом», «Тепло», «Смех».

Она не хотела трогать ребёнка. Она ведь не чудовище. «Смех» казался самым лёгким: не жизнью, не телом, просто звуком. Нина нажала.

На следующий день Алиса написала: «Ева приболела. Странно: не смеётся с утра. Даже мультики не помогают». Нина закрыла приложение. Через минуту открыла снова.

К вечеру она засмеялась одна в комнате над старым роликом. Смех был звонкий, детский, чужой. Она закрыла рот ладонью, но смех продолжался внутри.

В ту ночь ей приснилась школа.

Раздевалка после физкультуры. Мокрые куртки. Дешёвые духи. Алиса сидит на лавке и смотрит в чужой телефон.

На экране - Маша Колесникова из параллельного класса: отличница, танцы, олимпиады, отец на машине, мать с улыбкой.

Школьная Алиса шепчет:

- Почему ей всё?

На экране появляется зелёная точка.

Нина проснулась от собственного смеха.

Утром она нашла старый форум выпускников.

«Кто-нибудь знает, что случилось с Машей Колесниковой? После выпускного будто пропала».

Ответов почти не было.

Один комментарий без ника: «Не пропала. Её досмотрели».

В дверь позвонили.

За дверью стояла Алиса.

В дверь позвонили.

За дверью стояла Алиса.

Без макияжа. В сером пальто. Волосы мокрые, лицо чужое от усталости. Не богатая женщина из видео. Просто человек, у которого давно отнимают сон.

- Можно войти?

- Откуда ты знаешь адрес?

- Ты уже забрала мой голос. Адрес - мелочь.

Нина хотела закрыть дверь, но Алиса поставила ладонь.

- Не бери дом.

- Ты сумасшедшая.

- Не бери Павла. Не бери Еву. Не бери дом. Всё остальное

уже поздно.

Нина открыла дверь шире.

- Значит, правда.

Алиса вошла. Посмотрела на облезлую батарею, на таб-
летки, на вазу с высохшим эвкалиптом.

- Отдай хотя бы свет.

Нина усмехнулась.

- Ты пришла за вазой?

- Я пришла, потому что ты ещё можешь остановиться.

- Ты сама когда-то остановилась?

Алиса не ответила.

Этого хватило.

- Маша Колесникова, - сказала Нина.

Алиса побледнела.

- Ты её видела?

- Во сне.

Алиса закрыла глаза.

- Тогда оно уже глубже.

Нина почувствовала не страх, а старую школьную злость.
Алиса снова знала больше. Даже здесь. Даже на её кухне.

- Ты у Маши взяла?

Алиса молчала.

- И теперь пришла читать мне мораль?

- Нет. Предупредить.

- Поздно.

- Не бери дом, - повторила Алиса. - Если зелёная точка появится на двери, выключи телефон.

- Конечно.

Алиса посмотрела на неё почти с жалостью.

- Она всегда даёт шанс. Не потому что добрая.

- А потому что так вкуснее? - перебила Нина.

Алиса кивнула.

- Ты уже слышишь её фразы.

Нина открыла дверь.

- Выйди.

Алиса вышла. На пороге сказала: - У тебя ещё есть тот, кто помнит, как ты была собой.

Нина закрыла дверь слишком резко.

Мать стояла в коридоре.

- Кто это был?

- Никто.

- Нина...

- Мам, пожалуйста. Не сейчас.

Она сказала это мягко. Но мать всё равно отступила.

На следующий день Нина встретилась с Оксаной.

Оксана выбрала кофейню без музыки и села спиной к стене. Телефон положила экраном вниз, будто рядом лежал нож.

- Ты изменилась, - сказала она вместо приветствия.

- Все меняются.

- Нет. Ты не стала другой. Ты стала чужой.

Нина усмехнулась и села напротив.

- Ты всегда умела красиво пугать.

- Я не пугаю. Я считаю остатки.

- Чьи?

- Твои.

Оксана достала старую фотографию. Школьный двор. Маша Колесникова в зелёном шарфе улыбается так спокойно, будто ещё не знает, что её скоро начнут вытирать из мира.

- Через месяц Алиса пришла в таком же шарфе, - сказала Оксана. - Потом начала писать Машиними словами. Потом поступила туда, куда собиралась Маша. Потом Машу стали забывать.

- Это невозможно.

- Сначала невозможным кажется всё. Потом ты просто не находишь человека в списке класса. Потом забываешь, что его нужно искать.

Нина взяла фотографию. Бумага была сухая, но лицо Маши в углу расплывалось, как чернила под водой.

- Почему ты тогда ничего не сделала?

Оксана посмотрела на неё без злости. От этого стало хуже.

- Потому что Алиса говорила точно так же, как ты сейчас.

Сначала: «я просто смотрю». Потом: «у неё слишком много». Потом: «мне нужнее».

- У меня действительно нужнее.

Оксана резко подняла глаза.

- Вот это уже не ты сказала.

Нина хотела ответить, но во рту стало сухо. Фраза и правда была гладкой. Слишком готовой.

Телефон Нины завибрировал.

Три коротких удара. Пауза. Ещё три.

Оксана не посмотрела на экран.

- Если откроешь сейчас, ты уже выбрала.

- Ты ничего не понимаешь.

- Понимаю. Ты хочешь, чтобы чужая жизнь признала тебя хозяйкой.

- Я хочу нормальную жизнь.

- Нет. Ты хочешь, чтобы нормальной стала кража.

Нина резко поднялась. Стул скрипнул по полу.

- Остановись, - сказала Оксана.

- Поздно.

- Поздно будет, когда тебя начнут смотреть.

- Кто?

Оксана кивнула на телефон.

- Следующая.

Нина вышла, не допив кофе.

В кармане телефон продолжал стучать. Уже не как уведомление. Как палец по стеклу изнутри.

После этого Алиса начала исчезать.

Аккаунт был на месте, но публикаций стало меньше. Ста-

рые фото заменялись серыми прямоугольниками. В видео звук пропадал на середине слова. На семейных снимках Ева всё чаще смотрела мимо камеры. Павел появлялся один.

Собственная жизнь Нины тем временем становилась лучше.

Ей предложили должность ведущего редактора. Мать получила направление к хорошему врачу: «место освободилось». Хозяйка квартиры решила не повышать аренду. Чайник вдруг включался с первого раза.

Нина купила пальто почти такого же цвета, как у Алисы. На кассе карта прошла, хотя денег на ней не хватало.

Она стала чаще смотреть в зеркало.

Сначала проверяла, не изменилась ли.

Потом ждала изменений.

Тени под глазами ушли. Волосы легли иначе. Спина выпрямилась. Однажды мать остановилась у ванной и сказала:

- Ты на кого-то стала похожа.

- На кого?

Мать не ответила.

Нина улыбнулась.

В зеркале улыбнулась Алиса.

Зелёная точка появилась вечером пятницы.

Павел вышел в прямой эфир из машины. Говорил, что Алисе нужен покой, что семье тяжело, что слухи причиняют боль. Он выглядел уставшим и настоящим.

Нина подумала: он бы не сказал «ты драматизируешь». Он

бы отвёз маму к врачу. Молча. Просто взял бы ключи и отвёз.

Точка появилась на его руке.

На кольце.

«Выберите одно».

Павел.

Забота.

Дом.

Фамилия.

Нина отложила телефон. Встала, выпила воды, постояла у двери в комнату матери.

За дверью тихо стонали. Не громко - так, будто даже боль уже устала быть громкой.

Нина положила ладонь на дверь. За ней было тепло. Не физическое тепло - другое. То, которое она чувствовала последние дни.

«Если я заберу это... она перестанет болеть?» - подумала Нина.

И сразу же за этой мыслью пришла другая, более честная: «А если я заберу это - мне больше не придёт её слышать».

Нина отдернула руку, будто обожглась.

Она вернулась к телефону. На экране пульсировало слово «Забота».

Палец завис над кнопкой.

Нина представила, как мать перестаёт стонать по ночам. Представила тишину. Представила, что больше не будет каж-

дый вечер чувствовать вину за то, что не может её вылечить.

Потом представила, как будет смотреть матери в глаза после этого.

Рука дрогнула.

В комнате мать снова застонала. Тихо. Почти виновато.

Нина закрыла глаза.

И всё равно нажала.

В квартире погас свет.

Из комнаты матери донеслось:

- Нин?

Но голос был далёким.

Нина пошла к ней.

Мать сидела на кровати и смотрела на дверь.

- Ты кто? - спросила она.

Нина остановилась.

- Мам.

- Где Нина?

- Это я.

Мать вглядывалась в её лицо. Долго. С ужасом, который не смогла спрятать.

- Нет, - сказала она. - У моей дочери глаза были другие.

На телефоне вспыхнуло: «Получено: забота».

Ниже: «Списано: материнское узнавание».

Нина сидела на кухне и смотрела на свои руки. Они были тёплыми. Не просто тёплыми - живыми. Она вспомнила, как вчера прикасалась к матери, и внутри всё сжалось.

«Это не я, - подумала она. - Это она сама виновата. Она всегда была такой слабой».

Мысль показалась ей чужой. Но от этого не стало легче. Впервые ей захотелось вернуть всё.

Но не всё сразу.

Только мать.

На следующий день мать снова называла её Ниной. Но с задержкой. Как будто каждый раз подбирала имя к лицу заново.

Нина продержалась три дня.

На четвёртый Алиса выложила последнее видео.

Тёмная прихожая. Дрожащая камера. Видна половина лица Алисы и белая дверь за её спиной. За дверью кто-то смеётся. Детский смех Евы.

Алиса шепчет: - Дом - это не стены. Дом - это те, кто помнит, как ты была собой.

Видео оборвалось.

Следующая сторис открылась сама.

Белая дверь.

На ней зелёная точка.

Подпись: «Дом».

Нина бросила телефон на диван.

Он не погас.

Мать в соседней комнате напевала старую песню. Раньше она пела её, когда Нина болела в детстве. Нина знала: там были слова про сон, тёплую ладонь и то, что мама рядом.

Теперь вместо слов в памяти стоял белый шум.

Она подошла к комнате матери и остановилась у двери.

- Мам?

- Что, Нин? - отозвалась мать.

Голос был слабый, живой, раздражённый. Её голос.

Нина вернулась к телефону и села на пол. Белая дверь на экране больше не казалась картинкой. Она стояла перед ней так близко, будто за ней и правда кто-то дышал.

На экране была только одна кнопка: «Забрать дом».

Она долго смотрела на неё. В голове крутились мысли:

«Если я нажму - у меня будет нормальная жизнь. Без долгов. Без кашля по ночам. Без того, чтобы каждый день чувствовать вину».

Потом пришла другая мысль, тихая и очень страшная:

«А если я не нажму - я так и останусь здесь. Навсегда».

Нина посмотрела на свои руки. Они дрожали.

Она поднялась, дошла до комнаты матери и снова остановилась у двери. За ней мать тихо дышала - живая, слабая, настоящая.

«Если я нажму, я предам её», - подумала Нина.

Следом пришло другое, почти злое:

«А если не нажму, она всё равно будет умирать. Только рядом со мной».

Нина закрыла лицо руками.

«Я не хочу быть ей», - прошептала она.

Потом опустила руки.

И нажала.

Из комнаты матери донёлся звук, как будто упала чашка.

Нина бросилась туда.

Комната была пуста.

Кровать застелена.

Таблеток нет.

Фотографий нет.

В квартире никогда не было второй комнаты.

Нина стояла в белой прихожей. Мраморный пол. Мягкий свет. Зеркало в полный рост.

В зеркале стояла женщина в шёлковой блузке цвета топлёного молока.

Нина узнала её не сразу.

На зеркале губной помадой было написано: «Не всё».

На кухне стоял Павел.

- Ты долго, - сказал он. - Ева проснулась.

- Где Алиса?

Павел нахмурился.

- Кто?

Из коридора вышла Ева. В пижаме. С золотым ободком.

- Мам, ты опять забыла, как меня зовут?

Нина открыла рот.

Где-то далеко, будто из другого подъезда, донёлся голос Алисы: «Не бери всё».

Телефон в руке Нины нагрелся.

На экране была открыта её старая страница.

Нина Коваль.

Публикаций: 0.

Подписчиков: 1.

Фото профиля: серый круг.

Описание: «Никто не ждёт».

Нина попыталась набрать мать.

Номера не было.

Попыталась найти свою работу.

Компания существовала. Её имени там не было.

Попыталась написать Оксане.

Чат открылся пустым.

«Вы не знакомы».

Павел подошёл ближе.

- Ты опять побледнела.

- Скажи, как меня зовут.

Он устало улыбнулся.

- Нина.

Она выдохнула.

- Нина кто?

- Громова.

Ева обняла её за талию. Руки у девочки были тёплые.

Нина почти заплакала от этого тепла.

Почти.

А потом подумала: «Теперь это моё».

И тепло стало меньше.

Вечером она нашла Алису в ленте.

Новый аккаунт без аватарки: alisa_0.

Одна публикация.

Тёмная комната. Женщина сидит на полу рядом с пустой больничной кроватью. В углу - старый чайник.

Подпись: «Иногда счастье - это когда тебя ещё помнят».

Нина поняла: это её старая квартира.

Она написала: «Где моя мама?»

Ответ пришёл сразу: «Где твой дом?»

Экран моргнул.

Зелёная точка появилась уже не на Алисе.

На Нине.

На её отражении в чёрном стекле телефона.

Кнопка: «Забрать всё».

Нина не нажала.

Она положила телефон экраном вниз.

Через минуту перевернула обратно.

Кнопка всё ещё была там.

«Забрать всё».

Нина просидела до утра на белой кухне.

Павел спал.

Ева спала.

Город за окном светлел ровно и дорого.

В холодильнике стояли ягоды, сыр, йогурты в стекле, минеральная вода.

На столе - новая ваза с живым эвкалиптом.

В шесть утра телефон сам сделал фотографию.

Нина у окна. Белая рубашка. Кофе. Город.

Подпись появилась сама: «Иногда нужно просто разрешить себе лучшее».

Нина попыталась удалить.

Публикация уже ушла.

Лайки пошли сразу.

Десять.

Сто.

Тысяча.

С каждым лайком квартира становилась плотнее.

Стены белели. Павел дышал глубже.

Ева во сне улыбнулась.

Нина поняла это телом раньше, чем мыслью: дом держится, пока на него смотрят.

На третий день пришло сообщение от девушки с аватаркой на остановке.

Варя.

«Я смотрю на вас и думаю: почему у вас есть жизнь, а у меня нет?»

Нина прочитала сообщение один раз.

Потом второй.

Потом увидела зелёную точку у Вариного имени.

Маленькую. Терпеливую.

Нина хотела написать: «Не смотри».

Пальцы послушались только на первое слово.

Потом текст исчез.

Приложение набрало вместо неё: «Иногда зависть - это знак, что ты достойна большего».

Нина смотрела на отправленное сообщение и понимала: это уже не она пишет.

Или пишет.

Просто той Нины, которая могла остановиться, больше нет.

Сообщение ушло.

Варя ответила почти сразу: «Правда?»

Под экраном появилась кнопка: «Передать».

Нина зажала телефон обеими руками. Павел вошёл на кухню. Ева выглянула из-за его спины.

- Мам?

Нина посмотрела на девочку и впервые испугалась не того, что потеряет чужое.

А того, что уже почти не хочет возвращать своё.

Она открыла рот. Хотела сказать: я не мама. Я Нина Коваль. У меня была мать. Была комната. Был плохой чайник. Была жизнь - тесная, больная, но моя.

Слова не вышли.

Вместо них из телефона тихо донёсся смех.

Не Вари.

Не Евы.

Слишком знакомый.

Нина закрыла глаза.

Вспомнила мать.

Не лицо - лицо уже уходило.

Не голос - голос уже рвался, как старая плёнка.

Вспомнила ладонь на своей голове.

«Спи, Нин. Я рядом».

Этого оказалось мало.

Именно поэтому она поняла, что ещё жива.

Рядом с зелёной кнопкой, почти у края экрана, мигала тонкая серая строка.

«Отказаться».

Нина коснулась её.

Телефон стал холодным.

Кухня исчезла не сразу.

Сначала пропал город за окном. Потом Павел. Потом Ева. Последней исчезла ваза. Эвкалипт рассыпался в воздухе серой пылью.

Стало темно.

Когда Нина открыла глаза, она сидела на полу в своей старой комнате.

Плед сбился к ногам. На кухне щёлкал чайник. За стеной кашляла мать.

На подоконнике стояла стеклянная ваза с сухим эвкалиптом.

Нина не заплакала сразу.

Сначала она проверила руки. Свои. Тяжёлые, с обкусанным ногтем на большом пальце. Потом подошла к зеркалу.

Лицо было её.

Усталое.

Серое.

Живое.

Только после этого она бросилась к матери.

Мать сидела на кровати и смотрела в окно.

- Мам.

Мать повернулась. Долго вглядывалась.

- Нина?

- Да.

Мать протянула руку.

Тепло было слабым.

Но было.

Телефон лежал в коридоре. Экран треснул. Зелёной точки не было.

Нина подумала, что всё закончилось.

Эта мысль была слишком удобной, чтобы быть правдой.

Через неделю Алиса исчезла окончательно.

Аккаунт удалили. Остались перепосты, обрывки видео и статьи без фотографий.

Люди писали, что она устала от публичности.

Кто-то - что уехала.

Кто-то - что это была рекламная кампания.

Нина работала. Ходила с матерью к врачу.

Вынесла вазу к мусорным бакам.

Больше не открывала старые посты.

Она старалась жить своей жизнью.

Плохой.

Тесной.

Дорогой.

Настоящей.

Телефон молчал почти месяц.

Потом появилась Варя.

Светлая кухня. Чашка кофе. Мужчина за спиной.

На столе - стеклянная ваза с живым эвкалиптом.

Подпись: «Иногда нужно просто разрешить себе лучшее».

Нина не успела закрыть приложение.

На чёрном стекле телефона проступило её отражение.

На отражении горела зелёная точка.

«Вы отказались слишком поздно».

Ниже: «Остаток принят».

Нина стала искать серую строку «Отказаться». Её не было. На этот раз система ничего не предлагала. Только показывала итог.

С кухни позвала мать:

- Нин, чайник опять не включается.

Нина хотела ответить.

Рот открылся.

Голоса не было.

Под видео Вари уже шли комментарии.

«Какая жизнь».

«Я тоже так хочу».

«Почему у вас всё?»

Среди них появился новый комментарий от профиля без аватарки. Nina_0.

Нина не писала его.

Но буквы были её.

«Просто посмотрите дольше».

Она попыталась удалить комментарий. Палец прошёл по экрану, как по стеклу витрины. Ничего не сдвинулось.

Через минуту с профиля Вари ушло сообщение другой девушке: «Иногда зависть - это знак, что ты достойна большего».

Нина поняла: цикл уже не просил её согласия. Он просто использовал остаток.

Она хотела разбить телефон. Рука не поднялась.

Тело берегло экран, как чужое сердце.

Соппротивление осталось где-то в голове - маленькое, тихое и бесполезное.

Экран погас.

Свет остался.

Тонкий зелёный отсвет лежал на стенах, потолке, руках - как плесень под стеклом.

Нина подошла к зеркалу в прихожей.

В отражении стояла она.

Но чуть глубже, чем нужно.

Будто между кожей и миром вставили прозрачную витрину.

С кухни больше не доносилось ни звука.

Нина поняла, что мать не замолчала. Её звук просто списали первым.

На подоконнике лежала сухая ветка эвкалипта.

В зеркале Нина улыбнулась.

Не потому что хотела.

Потому что кто-то уже смотрел через неё.

Последняя копейка

Первые деньги пришли в 03:17. Игорь Савельев не спал. Он давно разучился спать глубоко. Спал как человек, у которого в голове всегда открыт расчётный счёт: одним глазом, одним ухом, с рукой рядом с телефоном. Даже ночью его мог разбудить банк, юрист, бухгалтер или собственная мысль: «Где ещё осталось недобрать?»

Телефон лежал экраном вниз на тумбочке. Он завибрировал один раз. Потом второй. Игорь открыл глаза.

Комната была тёмная. За окном стоял мартовский дождь. На стекле отражались огни соседних высоток, размазанные, как цифры в мокрой ведомости. Рядом спала Лена. Когда-то Игорь любил смотреть, как она спит. Теперь его раздражало, что она спит спокойно.

Телефон завибрировал в третий раз. Игорь взял его. На экране было уведомление:

Поступление: 1,00.

Счёт отправителя: не указан. Назначение платежа: Проверка получателя. Игорь нахмурился.

Он открыл банковское приложение. Платёж был настоящим. Один рубль. Без отправителя. Без ИНН. Без банка. В истории операций строка выглядела неправильно: чуть бледнее остальных, будто её не загрузили до конца.

Под назначением платежа стояла ещё одна строка. Мел-

кая. Серая. Не берите чужое.

Игорь сел в кровати.

Лена пошевелилась.

- Что там?

- Ничего.

- Опять работа?

- Спи.

Она вздохнула и отвернулась.

Игорь ещё минуту смотрел на экран. Потом сделал скриншот, отправил себе в закрытый чат и проверил счёт через веб-кабинет. Платёж был и там.

Один рубль. Не берите чужое. Он усмехнулся.

- Поздно, - тихо сказал он.

Утром серая строка исчезла. Рубль остался. Игорь Савельев занимался тем, что сам называл «антикризисной оценкой активов». Если говорить честно, он покупал чужую беду дешевле её настоящей цены.

Когда у людей сгорали сроки, шли суды, разваливались семьи, умирали родители, зависали наследства, арестовывались счета или банки требовали деньги, появлялся Игорь. Спокойный, аккуратный, в дорогом пальто. С голосом человека, который предлагает выход.

- Сейчас рынок плохой.

- Документы проблемные.

- Суд может затянуться.

- Если ждать, вы потеряете больше.

- Я забираю риск на себя.

Риск он почти никогда не забирал. Он забирал разницу. Старые квартиры, склады, машины, доли в бизнесе, права требования, залоги, остатки оборудования, недооценённые наследства. Он любил слово «остаток». Оно звучало безобидно: не главное, не целое, просто то, на что никто уже не смотрит.

Игорь смотрел всегда. Он видел деньги там, где другие видели усталость. В кабинете у него висела фраза в тонкой чёрной рамке: Деньги не любят жалости.

Эту фразу он придумал сам и считал удачной. В тот день у него была встреча с Верой Михайловной Соколовой. Семьдесят два года. Пенсионерка. Дочь умерла. Внук в другом городе. Квартира в старом доме на набережной. Дом собирались расселять. Земля под ним стоила дорого.

Вера Михайловна этого не понимала. Она понимала другое: у неё протекала крыша, болели ноги, управляющая компания не отвечала, а юрист из районной консультации сказал, что дело может тянуться годами.

Игорь пришёл к ней в одиннадцать. В подъезде пахло сыростью и кошачьим кормом. Лифт не работал. На четвёртый этаж он поднимался медленно и раздражённо считал ступени. За дверью долго шуршали замки.

- Вы Игорь Петрович?

- Да.

- Проходите. Только осторожно, коврик загнулся.

В квартире было тесно. Старые шкафы. Икона в углу. Фотографии в рамках. Часы с маятником. На кухонном столе - чашка, таблетки, папка с документами и аккуратно сложенные квитанции за десять лет. Игорь сел.

Вера Михайловна долго искала очки и извинилась, хотя он уже начал смотреть на часы.

- Мне сказали, вы можете помочь быстро.

- Могу.

- Я не хочу судиться. Я устала.

- Понимаю.

Она протянула документы. Игорь знал этот дом. Он уже всё проверил. Через восемь месяцев жильцов должны были расселить. По расчётам юристов, её доля могла стоить от четырнадцати до семнадцати миллионов.

Он предложил три.

- Это мало? - спросила она.

Игорь выдержал паузу.

- Вера Михайловна, я скажу прямо. Объект проблемный. Старый фонд, неясные сроки, возможные споры. Если вы пойдёте сами, вы потратите годы.

- Годы у меня вряд ли есть, - сказала она тихо.

Он ничего не ответил. Это было лучшее, что она могла сказать.

- Я могу оформить быстро. Деньги будут у вас через три дня.

- Три миллиона?

- Да.

- А больше никак?

Игорь посмотрел на её руки. Сухие, с выступившими венами. Она держала край папки так, будто боялась, что он заберёт не бумаги, а стол.

- Больше - это уже не помощь, - сказал он.

Она кивнула. Когда он уходил, она остановила его у двери.

- Игорь Петрович.

- Да?

- Только вы не обманите.

Он улыбнулся.

- Вера Михайловна, всё будет по договору.

Она смотрела на него внимательно.

- По договору не всегда значит по совести.

Игорь убрал улыбку.

- Совесть не регистрирует сделки в Росреестре.

Она хотела что-то сказать, но не сказала. Подписали через два дня. Через три дня Вера Михайловна получила три миллиона. Через четыре дня Игорь перепродал право на компенсацию за двенадцать миллионов двести тысяч. Через пять дней ему снова пришёл один рубль. В 03:17. Назначение платежа: Проверка получателя. Серая строка: Первое принято. На этот раз Игорь не усмехнулся. Он долго смотрел на экран, потом прошёл в кабинет и включил свет.

На столе лежала папка Соколовой. Он открыл её, хотя все документы уже были отсканированы и отправлены юристам.

Внутри была копия паспорта, выписка, договор, акт, расписка.

На последнем листе появилась новая строка. Её не было раньше. Она была напечатана тем же шрифтом, но чуть ниже подписей: Разница к удержанию: 9 200 000.

Игорь провёл пальцем по бумаге. Строка была настоящей. Он зачеркнул её ручкой. Чернила легли ровно. Через секунду лист снова стал чистым: Разница к удержанию: 9 200 000.

- Ошибка печати, - сказал он пустому кабинету.

Из кухни донёсся звук, будто кто-то поставил чашку на стол. Игорь вышел. Никого. Лена спала. На столе стояла старая белая чашка с тонкой синей трещиной у ручки. Такой чашки у них дома не было. На дне лежал рубль. Игорь взял чашку двумя пальцами, отнёс в мусорное ведро и выбросил.

Утром чашка стояла на столе. Пустая. Лена первая её заметила.

- Это откуда?

- Не знаю.

- Ты купил?

- Лена, я похож на человека, который покупает старые чашки?

Она промолчала. Раньше ответила бы резко или смешно. Теперь часто молчала. Игорь списывал это на возраст, усталость и её слабость к ненужным переживаниям.

- Выброси, - сказал он.

- Может, домработница принесла?

- Выброси.

Лена взяла чашку. Через час из прихожей раздался звон. Игорь вышел. Чашка лежала на полу, целая. Домработница Нина стояла рядом и крестилась.

- Я её в мусоропровод бросила, Игорь Петрович.

- Значит, не бросила.

- Бросила.

- Нина.

- Я не вру.

Он посмотрел на неё так, что она замолчала.

- Сегодня можешь идти.

- А чашка...

- Иди.

После её ухода Игорь взял молоток, положил чашку на балконный пол и ударил.

Фарфор раскололся.

Внутри оказалось не пусто.

Между белыми стенками чашки лежали маленькие серые бумажки, плотно набитые, как начинка.

Игорь поднял одну.

Это была квитанция.

Очень маленькая. С ноготь.

На ней было напечатано: Получено: 9 200 000. Списано: тепло.

В квартире стало холодно.

Не сразу.

Сначала Игорь решил, что открыл балкон.

Потом проверил батареи.

Горячие. Закрыв окна.

Вызвал диспетчера.

Датчики показывали двадцать три градуса.

Но холод не уходил.

Он был не в воздухе.

Он был в вещах.

В чашке кофе. В полотенце после душа. В подушке. В руке Лены, когда она случайно коснулась его ночью. Она отёрнула пальцы.

- Ты ледяной.

- Не выдумывай.

- Игорь, у тебя рука как у мёртвого.

- Спи.

Он отвернулся. Но не заснул. В темноте он слышал, как в кабинете шуршит бумага. Утром на столе лежала новая папка. Он точно не приносил её домой. На обложке: СОКОЛОВА В.М. Ниже: Остаток.

Внутри лежали фотографии квартиры Веры Михайловны. Кухня. Икона. Старый шкаф. Окно с облупившейся рамой. Кровать с клетчатым покрывалом. Часы с маятником.

На последней фотографии Вера Михайловна сидела за столом и смотрела прямо в объектив. В руках держала ту самую чашку. Игорь закрыл папку и позвонил юристу.

- Сделка по Соколовой чистая?

- Абсолютно.

- Точно?

- Игорь Петрович, вы сами всё проверяли.

- У неё родственники есть?

- Внук. Но он не собственник.

- Он может оспорить?

- Теоретически всё можно оспорить. Практически - нет.

Она дееспособна, нотариус был, деньги получила, видеофиксация есть.

- Она жива?

Юрист замолчал.

- Что значит?

- Проверь.

- Зачем?

- Просто проверь.

Через двадцать минут пришло сообщение: Соколова умерла сегодня ночью. Сердце. Игорь перечитал его несколько раз. Потом открыл банковское приложение. Баланс на инвестиционном счёте вырос на 9 200 000. Ровно. Последняя строка: Поступление: 9 200 000. Назначение: Остаток принят. Внизу серым: Списано тепло. В этот день Игорь впервые подумал не о том, как заработать, а о том, как остановить поступление денег. Мысль была неприятной. Почти унижительной. К вечеру он уже решил, что это не мистика. Он составил список проверок: банк, устройство, бухгалтер, юрист, источник утечки. Список успокоил. Цифры всегда успокаивают.

вали его сильнее людей. На следующий день он пришёл в офис раньше всех.

Офис был на двадцать первом этаже бизнес-центра. Стекло, металл, светлые переговорные, кофемашина, ресепшен с живыми орхидеями. На стене - название компании: Савельев Капитал. Управление сложными активами. Под названием - его рамка: Деньги не любят жалости.

Он остановился перед ней. Буквы изменились. Не все. Только одно слово. Теперь было: Деньги не любят свидетелей. Игорь снял рамку со стены. Секретарь Мила вошла с папками.

- Игорь Петрович, всё нормально?

- Кто трогал?

- Что?

- Рамку.

- Никто.

- Камеры.

- Что камеры?

- Подними запись за ночь.

Мила побледнела.

- Сейчас.

Через десять минут они смотрели видео. Коридор пуст. Свет выключен. Рамка висит на стене. В 03:17 буквы сами меняются. Без вспышки. Без помех. Без тени. Просто становятся другими. Мила отступила от монитора.

- Это монтаж?

Игорь медленно повернулся к ней.

- Ты меня спрашиваешь?

- Простите.

- Запись удалить.

- Может, сначала...

- Удалить.

Она вышла. Через минуту он услышал её крик. В коридоре собрались сотрудники. Мила сидела на полу у ресепшена. Перед ней лежали орхидеи. Все цветы стали чёрными. Не завяли. Почернели, как будто их окунули в тушь. Среди стеблей лежал один рубль. На этот раз Игорь не стал его поднимать.

- Уберите, - сказал он.

Никто не двинулся.

- Я сказал, уберите.

Офис-менеджер взяла монету салфеткой и вскрикнула. На пальцах появился иней. Игорь отправил всех работать. К одиннадцати он уже говорил с безопасником банка.

- Такого платежа у нас нет, - сказал безопасник.

- Я вижу его в приложении.

- На нашей стороне нет.

- Я могу прислать скрин.

- Присылайте.

Он прислал.

Через минуту безопасник вернулся.

- Это не интерфейс нашего банка.

- Вы издеваетесь?

- Нет. Внешне похоже, но код операции не наш. Игорь Петрович, вы уверены, что приложение настоящее?

Игорь посмотрел на экран телефона. Иконка банка была обычной. Он открыл приложение. Баланс был на месте. Но внизу появилась новая вкладка: Остатки. Он нажал. Экран стал чёрным. Потом проступили строки: Соколова В.М. - принято. Разница: 9 200 000. Списано: тепло. Ниже мигало: Следующий остаток ожидается. Он закрыл приложение. Открыл снова. Вкладки уже не было. В этот момент в кабинет вошёл его партнёр Роман Гринёв.

Роман был противоположностью Игоря. Громкий, мягкий, любил дорогие обеды, плохие шутки и слово «по-человечески». Игорь держал его из-за связей. Роман держал Игоря из-за холодной головы.

- Слышал про Соколову? - спросил Роман.

- Да.

- Неприятно.

- Старый человек.

- Игорь.

- Что?

Роман закрыл дверь.

- Мы слишком сильно её прижали.

- Мы заключили сделку.

- Ты понял, о чём я.

- Нет.

- Она могла получить больше.

- Могла. Не получила.

- У неё внук звонил.

Игорь поднял глаза.

- Тебе?

- Да.

- Зачем?

- Кричал. Говорил, что она после сделки плакала. Что ты обещал ей «честную цену».

- Я не использую таких слов.

- Может, использовал.

- Не использовал.

Роман сел напротив.

- Я думаю, надо добавить семье денег.

Игорь посмотрел на него так, будто услышал неприличное предложение.

- С какой стати?

- Чтобы закрыть вопрос.

- Вопрос закрыт.

- Чтобы по совести.

- Рома, если хочешь заниматься благотворительностью, открой фонд. Но не за мой счёт.

- Не за твой. За наш.

- Тем более.

Роман долго молчал.

- Слушай, с тобой последнее время неприятно разговари-

вать.

- Тогда не разговаривай.

- Ты раньше был жёсткий. Сейчас ты какой-то...

- Какой?

Роман посмотрел на него и вдруг поёжился.

- Холодный.

Игорь улыбнулся.

- Одевайся теплее.

Роман ушёл. Через час Игорь получил письмо. Тема: Выход из партнёрства. В теле две строки: «Я не хочу дальше так работать. Давай разделимся». В приложении банка появилось уведомление. Поступление: 4 600 000. Назначение: Половина молчания. Серая строка: Списано голос. Игорь открыл рот, чтобы позвать Милу. Звука не было. В горле было пусто. Не больно. Не физически страшно. Просто пусто, как в выключенном микрофоне. Он выбежал в коридор и схватил секретаря за плечо.

- Игорь Петрович?

Он хотел сказать: «Врача». Не смог. Только воздух. Она испугалась по-настоящему.

- Вам плохо?

Он кивнул. Потом передумал и замотал головой. Он написал на телефоне: Врача. Срочно.

Врач приехал через сорок минут. Осмотрел горло, давление, пульс, сатурацию. Всё было нормально.

- Стрессовая афония, возможно, - сказал врач. - Голос мо-

жет вернуться сам.

Игорь напечатал:

Когда?

- От нескольких часов до нескольких дней.

Почему?

- Перенапряжение. Психосоматика. Нужен покой.

Игорь показал врачу дверь.

Голос вернулся вечером. Не полностью. Он стал тише, суше. Слово каждое слово нужно было покупать отдельно.

Дома Лена заметила это сразу.

- Что с голосом?

- Простыл.

- У тебя лицо странное.

- Что с ним?

- Не знаю. Как будто ты не ел неделю.

Он посмотрел в зеркало в прихожей. Лицо было обычным. Почти. Только губы стали бледными. И ещё он заметил, что пар изо рта появляется даже в тёплой квартире. Лена стояла рядом.

- Игорь, что происходит?

- Ничего.

- Я видела новости про Соколову.

Он повернулся.

- Какие новости?

- Внук написал пост. Про то, что её обманули.

- Люди любят обвинять тех, кто умнее.

- Она умерла.

- Я не кардиолог.

Лена побледнела.

- Ты слышишь себя?

- Да.

- А я уже нет.

Он хотел ответить резко, но не успел. Из детской вышел сын. Мише было девять. Он держал планшет и смотрел в экран.

- Пап, помоги пройти уровень.

Игорь почувствовал раздражение. Он ненавидел эти просьбы. Ненавидел детскую уверенность, что взрослый обязан оторваться от важного ради ерунды.

- Не сейчас.

Миша не поднял глаз.

- Ты всегда так говоришь.

- Значит, привыкни.

Лена резко посмотрела на Игоря.

- Не разговаривай с ним так.

- Я разговариваю нормально.

Миша вдруг поднял голову.

- Мам, а почему от папы холодно?

Лена обняла сына за плечи.

- Иди в комнату.

- Он заболел?

- Иди.

Миша ушёл. Игорь остался у зеркала. В глубине стекла, за его плечом, на секунду возникла старая кухня: стол, таблетки, белая чашка с синей трещиной. Вера Михайловна сидела неподвижно и считала монеты. Игорь моргнул. Отражение стало обычным. На следующий день в офисе его ждал Роман. Не в кабинете. В переговорной. С юристом.

- Я хочу выйти, - сказал Роман.

- Уже понял.

- И хочу, чтобы мы пересмотрели сделку Соколовой.

Игорь сел напротив.

- Ты сошёл с ума.

- Нет.

- Ты хочешь сам себя подставить?

- Я хочу не просыпаться ночью.

- Это лечится таблетками.

Роман достал папку.

Роман достал папку: они могли перевести внуку часть прибыли. Без признания вины.

Игорь рассмеялся. Голос сорвался на середине. Смех вышел сухим, металлическим.

- Ты слабый.

- Может быть.

- Ты всегда был слабый.

- Может быть.

- Поэтому я и зарабатывал, а ты улыбался на встречах.

Роман посмотрел на него внимательно.

- Нет, Игорь. Ты не зарабатывал. Ты выгрызал.

Игорь наклонился вперёд.

- Послушай меня. Ни один рубль не выйдет из компании без моего согласия.

- Тогда я пойду в суд.

- С чем?

- С документами.

- Какими?

Роман молчал. Игорь понял. Сервер. Переписки. Предварительные оценки. Файлы, где было видно: реальная стоимость актива Соколовой была известна заранее.

- Ты их скопировал, - тихо сказал Игорь.

- Да.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.